

МЕЖДУ ЛИМЕСОМ И ПОДНЕБЕСНОЙ: ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ И ПРОИЗВОДСТВА

80 лет со дня рождения М.Б. Шукину

Становление «кочевых» государств Северного Китая

Римский импорт в Тире

Стеклоделие за римским лимесом

Мода в варварских обществах

Размышления о первых стременах.

О происхождении кочевников Устюрта

Археологи Петрограда в годы Революции и Гражданской войны

«Марфовский клад» 1925 г.

Ответственный редактор — Олег В. Шаров

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Between Limes and the Celestial Empire: centers of power and production

Mark B. Shchukin's 80th Birthday Anniversary
Evolution of 'Nomadic' States in Northern China
Roman Import in Tyras
Glass Making Beyond the Roman Limes
Fashion in Barbarian Societies
Considerations about the First Stirrups
On the Origins of Ustyurt Nomads

Editor-in-Charge — Oleg V. Sharov

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2017

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Între Limes și Imperiul Celest: centrele de putere și producție

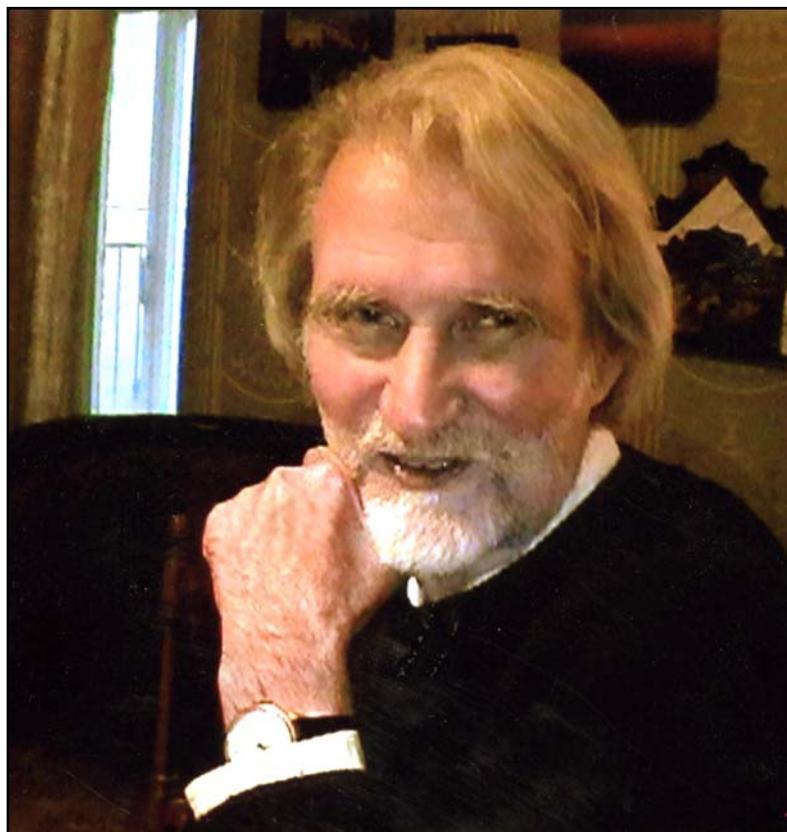
Mark Shchukin la 80 de ani
Formarea statelor „nomade” ale Chinei de Nord
Importul roman în Tyras
Sticlăritul după limesul roman
Moda în societățile barbare
Meditații asupra primelor scări de șa
Despre proveniența nomazilor din Ustyurt

Redactor responsabil — Oleg V. Sharov

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2017

*80 лет со дня рождения
члена редколлегии журнала «Stratum plus»*
Марка Борисовича Щукина

*Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала
«Stratum plus» от 2007 г. имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах
навсегда вписано в состав редколлегии этого издания*

*80th anniversary of **Mark B. Shchukin**,
member of *Stratum plus* editorial board*

*Aniversarea de 80 de ani a lui **Mark B. Shchukin**,
membru al colegiului redacțional revistei „Stratum plus”*

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

- О. В. Шаров** (*Санкт-Петербург, Россия*). 80 лет М. Б. Щукину:
10 лет спустя... 17

ТРАНСФЕРТ ИДЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ

- В. В. Анисимов** (*Москва, Россия*). О способах распространения моды
в варварских обществах: социальные элиты, ремесленники
и мобильность (на примере кельтов эпохи латена) 25
- А. В. Дедюлькин** (*Ростов-на-Дону, Россия*), **Н. Ф. Шевченко** (*Краснодар,
Россия*). Доспех из погребения рубежа эр могильника Мезмай-1.
Кольчуги на Северо-Западном Кавказе 47
- Т. Н. Смекалова** (*Санкт-Петербург, Россия*), **Ф. Н. Лисецкий**, **Ж. А. Буряк**
(*Белгород, Россия*). Изучение позднескифского поселенческого
и агрохозяйственного комплекса Борут-Хане в Предгорном Крыму
естественнонаучными методами 57
- Д. П. Шульга** (*Новосибирск, Россия*). Основные тенденции становления
«кочевых» государств Северного Китая в V в. до н. э. — III в. н. э. 81
- П. В. Шувалов** (*Санкт-Петербург, Россия*). Скрутка, строп, лестница,
ступень, кольцо. Размышления о первых стременах 89

ПРОИЗВОДСТВО И ОБМЕН
В АНТИЧНОМ И ВАРВАРСКОМ МИРАХ

- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Новая античная свинцовая печать
из Херсонеса Таврического 99
- М. С. Касенов** (*Атырау, Казахстан*), **М. К. Сейткалиев** (*Алматы, Казахстан*).
Случайная находка ручки палеры типа «Millingen» в Северном
Прикаспии 115
- О. К. Савельев** (*Одесса, Украина*). Римский импорт I в. н. э. в Тире и
некоторые вопросы римско-варварских контактов в Северо-Западном
Причерноморье 119
- И. Н. Храпунов** (*Симферополь, Крым*). Еще один германский след
в Крыму 135
- О. С. Румянцева** (*Москва, Россия*). Стеклоделие за лимесом: новые данные
об организации производства и хронологии мастерской в Комарове . 141
- И. А. Сапрыкина**, **А. В. Мастыкова** (*Москва, Россия*). Золотые изделия
из «княжеского» погребения с поселения Мухино-2 гуннского
времени на Верхнем Дону: редкие техники изготовления? 165

- Р. П. Смирнов** (*Севастополь, Крым*). Плинфа с индиктными клеймами и актуальные проблемы археологии позднеантичного Херсонеса. . . . 181

РИМ И ВАРВАРЫ: ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ И ПРОИЗВОДСТВА

- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко** (*Краснодар, Россия*). Погребения с фибулами из грунтового могильника меотского городища Спорное. 201
- Т. И. Слободян** (*Киев, Украина*). Погребальные памятники раннеримского времени Прикарпатья: хронология и время функционирования . . . 215
- И. В. Бруяко, А. Н. Дзиговский** (*Одесса, Украина*), **Р. Мадыда-Легутко** (*Краков, Польша*). *Studia Baltica et Pontica* (Сармато-германский комплекс на городище Картал в низовьях Дуная) 233
- А. С. Чуркин, И. И. Шкрибляк** (*Симферополь, Крым*). Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму. 265
- Р. Д. Голдина** (*Ижевск, Россия*). Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III—V вв.) 295
- В. Н. Ягодин** (†), **Е. П. Китов** (*Москва, Россия*), **В. В. Ягодин** (*Нукус, Узбекистан*). Типология погребальных комплексов могильника Казыбаба I во II—IV вв. н. э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного чинка Устюрта) 357

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- И. Л. Тихонов** (*Санкт-Петербург, Россия*). Археологи Петрограда в годы Революции и Гражданской войны 383
- Е. Г. Застрожнова, О. В. Шаров** (*Санкт-Петербург, Россия*). «Марфовский клад» 1925 г. (публикация архивных материалов) 395
- Список сокращений. 411
- Авторам *Stratum plus* 415

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

- O. V. Sharov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **M. B. Shchukin's 80th Birthday Anniversary: 10 Years After...** 17

TRANSFER OF IDEAS AND TECHNOLOGIES

- V. V. Anisimov** (*Moscow, Russian Federation*). **On the Methods of Fashion Distribution in Barbaric Societies: the Social Elite, Craftsmen and Mobility (as illustrated by La Tène Celts)** 25
- A. V. Dedyulkin** (*Rostov-on-Don, Russian Federation*), **N. F. Shevchenko** (*Krasnodar, Russian Federation*). **Body Armour from the Burial of the Early 1st Century AD in the Mezmay Necropolis. Chain Mail Armour on the North-Western Caucasus.** 47
- T. N. Smekalova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **F. N. Lisetskii**, **Zh. A. Buryak** (*Belgorod, Russian Federation*). **Study of the Late Scythian Settlement and Agricultural-Residential Complex of Borut-Khane in the Piedmont Crimea by Natural Science Methods** 57
- D. P. Shulga** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Main Development Tendencies of North China "Nomadic" States in 5th Century BC — 3rd Century AD.** . . 81
- P. V. Shuvalov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Twist, the Strop, the Ladder, the Step, the Ring. Reflections on the First Stirrups** 89

**PRODUCTION AND EXCHANGE
IN ANCIENT AND BARBARIAN WORLD**

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Newly Found Ancient Lead Seal of Tauric Chersonesos** 99
- M. S. Kasenov** (*Atyrau, Kazakhstan*), **M. K. Seitkaliev** (*Almaty, Kazakhstan*). **Random Archaeological Finding of "Millingen" Type Patera Handle in Northern Caspian Region** 115
- O. K. Savelyev** (*Odessa, Ukraine*). **Roman Import of the 1st Century AD in Tyras and Some Matters of Roman-Barbarian Contacts in the North-Western Black Sea Region.** 119
- I. N. Khrapunov** (*Simferopol, Crimea*). **Another Germanic "Footprint" in the Crimea** 135
- O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*). **Glass Working beyond the Limes: New Data on the Manufacturing Organization and the Chronology of the Komarov Workshop.** 141
- I. A. Saprykina, A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Gold Items from the Mukhino-2 "Princely" Burial Ground of the Hunnic Period in the Upper Don: rare manufacturing techniques?** 165

R. P. Smirnov (<i>Sevastopol, Crimea</i>). Brickstamps with the Indiction Date and Current Issues of the Archaeology of Late Antiquity in Tauric Chersonesos	181
--	------------

**ROME AND BARBARIANS:
CENTERS OF POWER AND PRODUCTION**

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Graves with Fibulae from the Burial Ground of the Maeotian Settlement Spornoye	201
T. I. Slobodyan (<i>Kiev, Ukraine</i>). Early Roman Time Funerary Sites in the Subcarpathian Region: Chronology and Period of Existence	215
I. V. Bruyako, A. N. Dzigovskiy (<i>Odessa, Ukraine</i>), R. Madyda-Legutko (<i>Kraków, Poland</i>). Studia Baltica et Pontica (Sarmatian-Germanic complex at the Kartal Hillfort on the Lower Danube)	233
A. S. Churkin, I. I. Shkribliak (<i>Simferopol, Crimea</i>). New Necropolises in the Central Crimea in Late Antiquity Period	265
R. D. Goldina (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>). Tarasovo Burial Ground on the Middle Kama and Issues of the Volga-Kama Migrations (3rd—5th cent.)	295
V. N. Yagodin (†), E. P. Kitov (<i>Moscow, Russian Federation</i>), V. V. Yagodin (<i>Nukus, Uzbekistan</i>). The Typology of Funerary Complexes of the Kazybaba I Cemetery in 2nd — 4th Centuries AD (on the origins of the nomads of the Ustyurt south-east edges)	357

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

I. L. Tikhonov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Petrograd's Archaeologists during the Revolution and the Civil War	383
E. G. Zastrozhnova, O. V. Sharov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Marfovka Hoard of 1925 (publication of archival materials)	395
List of Abbreviations	411
Submissions	415

И. Л. Тихонов

Археологи Петрограда в годы Революции и Гражданской войны

Keywords: archaeology, revolution in Russia, Petrograd, 1917, scientific institutions

Cuvinte cheie: arheologie, revoluția în Rusia, Petrograd, 1917, instituții științifice

Ключевые слова: археология, революция в России, Петроград, 1917 год, научные учреждения

I. L. Tikhonov

Petrograd's Archaeologists during the Revolution and the Civil War

The article is devoted to the activities of archaeologists and archaeological institutions of Petrograd in the difficult years of revolution and civil war. It is analysis of their response to two revolutions of 1917 and the attempts to use the change of power for the development of archaeology in Russia in 1917 to 1922. The Revolution and the demolition of the old state apparatus has played a catalytic role in the development process of the organizational structure of archaeology, helping to eliminate the old and the emergence of new and more advanced organizational structures. At the same time, the methods and circumstances of this "break" caused enormous damage to the human potential of the Russian archaeology and the whole system of scientific relations.

I. L. Tikhonov

Arheologii Petrogradului în anii Revoluției și Războiului civil

Studiul este dedicat activității arheologilor și a instituțiilor arheologice ale Petrogradului în anii grei ai revoluției și războiului civil. Sunt analizate reacțiile lor la cele două revoluții din a. 1917 și încercările de a folosi schimbările de putere pentru dezvoltarea arheologiei în Rusia în anii 1917—1922. Revoluția și dărâmarea vechiului aparat de stat au jucat rolul de catalizator în procesul dezvoltării structurii organizatorice a arheologiei ruse, contribuind la lichidarea vechilor structuri organizatorice și apariția altor noi, mult mai progresive. În același timp metodele și circumstanțele acestei „dărâmări” au cauzat pierderi colosale și potențialului de cadre a științei noastre, și întregului sistem a legăturilor ei științifice.

И. Л. Тихонов

Археологи Петрограда в годы Революции и Гражданской войны

Статья посвящена деятельности археологов и археологических учреждений Петрограда в тяжелые годы революции и гражданской войны. Анализируются их реакция на две революции 1917 г. и попытки использования смены власти для развития археологии в России в 1917—1922 гг. Революция и слом старого государственного аппарата сыграли роль катализатора в процессе развития организационной структуры российской археологии, способствуя ликвидации старых и появлению новых, более прогрессивных организационных структур. В то же время методы и обстоятельства этой «ломки» нанесли колоссальный урон и кадровому потенциалу нашей науки, и всей системе ее научных связей.

1917 год стал разделом между двумя эпохами: Российской империей и Советской Россией. Бурные события столетней давности, эпицентром которых являлся Петроград, коренным образом изменили историю России и непосредственно сказались на судьбах миллионов ее жителей. В столице, где размещались Академия наук, Археологическая комиссия, Русское археологическое общество,

Археологический институт, Университет, Эрмитаж и многие другие музеи, в силу естественных причин к 1917 г. сосредоточилась самая многочисленная и значительная когорта российских археологов, оказавшимися свидетелями, а иногда и участниками этих событий.

Начало 1917 г. в Петрограде было тревожным. Неотвратимость перемен чувствова-

Research is supported by the project of the Russian Foundation for Basic Research no. 16-06-00528 ■ Lucrarea este executată în cadrul proiectului Fondului de cercetări fundamentale a Rusiei nr. 16-06-00528 ■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 16-06-00528.

Рис. 1. Демонстрация в Петрограде 15 февраля 1917 г.

Fig. 1. The demonstration in Petrograd on 15th February 1917.

ли многие, далекие от политики люди. Жена управляющего Славяно-русским отделением РАО историка С.Ф. Платонова в своем дневнике записывала циркулирующие слухи о подготовке дворцового переворота и о том, что председатель Русского исторического общества великий князь Николай Михайлович высылается на юг «за общее руководство всем заговором» (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5696. Л.39об.).

Слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов Мария Щербакова в дневнике писала, что «восстания ждали еще 14-го февраля, в день открытия сессии Государственной Думы. Ходили слухи, что рабочие пойдут к Таврическому дворцу и потребуют от Думы решительных действий. Мы ждали этого дня с тревогой. Запаслись едой, чтобы можно было не выходить на улицу... Потом говорили, что восстание будет 19-го февраля (воскресенье), но и этот день прошел благополучно... 23 февраля в четверг начались уличные беспорядки. Рабочие вышли с требованием хлеба... В субботу (25) и воскресенье (26 февраля) уже шли упорные слухи и рассказы о крупных беспорядках и кровопролитии на Невском, на Владимирском, на Литейном и в других местах центра... Понедельник 27 февраля был самый страшный день. Говорили, что в Университете лежит несколько наших курсисток раненых и студентов, что

в Университет сейчас никого не пускают, кроме сестер милосердия, что ходят слухи, будто два полка восстали. Я почувствовала тревогу. В столовой на стенде висит постановление сходки. Я прочла, что сходка 27 февраля постановила присоединиться к революции. Конец постановления гласил: «Долой старый порядок! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует временное революционное правительство!»... Вечером стали доноситься до нас выстрелы с улицы. Не спала почти всю ночь. Всю ночь слышались выстрелы... Прибежала утром хозяйская старшая дочь и говорит: «Сейчас пойдём на Курсы... посмотреть, как там сейчас во дворе полицейского расстреливать будут... Полицейского поймали... молодой, красивый... сейчас его, как собаку, расстреливать будут»» (АМИУ. А/вх. № 5/2017.— 3) (рис. 1). И побежала смотреть. Вопреки мифу «о бескровности февральской революции», в эти дни на улицах Петрограда было убито и ранено около полутора тысяч человек. 1 марта уличная толпа бессудно убила сенатора Чарторийского и генерала Штакельберга, который был женат на двоюродной сестре графа Алексея Александровича Бобринского.

Отношение к разразившейся революции у петроградских археологов было весьма различным и зависело от многих обстоятельств. Если свержение самодержавия

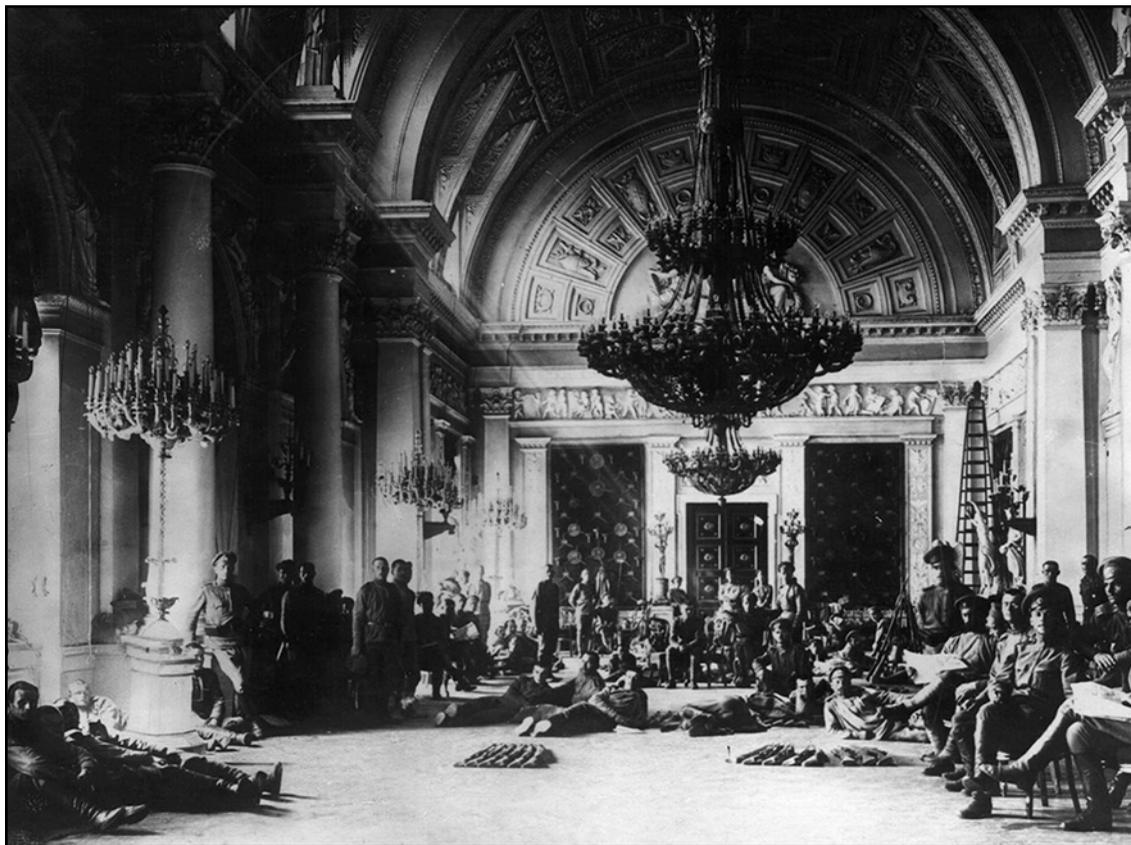

Рис. 2. Солдаты в Зимнем дворце.

Fig. 2. Soldiers in the Winter Palace.

основная часть археологов восприняла с энтузиазмом, как и большинство русской интеллигенции, то отношение к захвату власти большевиками в октябре 1917 г. было совершенно иным. Политика мало интересовала большую часть исследователей древности: даже те, кто в молодости участвовал в революционном движении (Д. А. Клеменц, Ф. К. Волков, П. П. Ефименко), впоследствии полностью переключились на занятия наукой. Активными политическими фигурами были разве что депутат III-й Государственной Думы, член Государственного совета, председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской и заметные члены кадетской — «профессорской партии», как ее часто называли, профессора С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, Ф. А. Браун.

Праправнук Екатерины II, гофмейстер двора Его Величества, граф А. А. Бобринской никаких симпатий к революции испытывать не мог по вполне понятным причинам. В его дворце на Галерной улице в конце января 1917 г. состоялась встреча высокопоставленных сановников и представителей генералитета, в которой участвовали: командующий войсками Северного фронта гене-

рал Н. В. Рузский, бывшие премьер-министры Б. В. Штюрмер и А. Ф. Трепов, министр внутренних дел А. Д. Протопопов, министр земледелия А. А. Риттих. Обсуждался вопрос о возможных беспорядках в столице. Хозяин дома предлагал в качестве экстренной меры вернуть с фронта в Петроград хотя бы некоторые части старой гвардии, но остальные участники не вняли его прозорливым советам (Бобринской 2003: 520—521).

Вскоре после свержения самодержавия А. А. Бобринской, по совету А. Ф. Керенского, уезжает на Кавказ. Весну и лето 1917 г. он проводит в относительно спокойном Кисловодске, и даже в конце апреля — начале мая ведет раскопки кургана с погребениями в каменных и грунтовых гробницах неподалеку от Кисловодской товарной станции (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1917 г. Д. 35). В начале ноября, то есть уже после прихода к власти большевиков, граф возвращается в бурлящую столицу, будучи крайне обеспокоенным за судьбу имущества и, в первую очередь, коллекций художественных и археологических ценностей, оставшихся в петербургском дворце. «Мой отец думал, что ему удастся спасти кое-что из своего имущества в петербург-

Рис. 3. Граф Д.И. Толстой — директор Эрмитажа в 1909—1918 гг. Рисунок Э.К. Липгарта, 1918 г. (по Журналы 2001).

Fig. 3. Count D.I. Tolstoy, Director of the Hermitage in 1909—1918. Drawing by E.K. Liphart, 1918 (after Журналы 2001).

ском доме, тогда как, сидя в полном бездействии в Кисловодске, он только терял время и подвергал себя опасности со стороны местных коммунистов... Мы очень долго не знали о нем ничего. Писать было невозможно и даже опасно из-за коммунистической цензуры на почте», — позднее вспоминал его сын Алексей Алексеевич Бобринской (Бобринской 2003: 525—526). Опасения были не напрасными: в октябре 1918 г. в Пятигорске как один из заложников был казнен троюродный племянник графа — Гавриил Алексеевич Бобринской (Савенко 2017: 60)

Сразу же по возвращении в революционный, бурлящий Петроград граф Бобринской официально уведомляет об этом комиссара по делам бывшего министерства императорского двора, в ведение которого входила Археологическая комиссия. 26 апреля (8 мая по новому стилю) 1918 г. под председательством Бобринского прошло заседание комиссии, где по его же инициативе старшим членом взамен умершего Н.И. Веселовского был избран А.А. Спицын. На этом же заседании происходит дискуссия «о скорейшем составлении проекта расширения деятельности Археологической Комиссии и об усилении ее денежных средств в новом сметном периоде». Главное внимание в проекте нового устава комиссии уделялось проблемам «расширения в комиссии реставрационного дела... в связи с общим Положением об охране памятников древности в государстве». В итоге постановили: «1). Просить Археологическую комиссию составить новый проект нового ее устава

и передать его для рассмотрения в специальное пленарное заседание комиссии, 2). немедленно ввести в ближайшую смету предложения о расширении издательской деятельности Комиссии, 3). признать желательным посещение Комиссии Коллегией по охране памятников древности» (РО НА ИИМК РАН. Ф.1. 1918 г. Д.1. Л.1—1об.)

Граф Бобринской до конца июля 1918 г. продолжал выполнять свои обязанности председателя теперь уже Российской государственной археологической комиссии и пытался наладить взаимодействие с новой властью (Смирнов 2015: 300—309). В конце мая он обращался в Совет Петроградского археологического института, почетным членом которого являлся с 1898 г., с предложением прочитать бесплатно курс лекций по курганным древностям (ЦГА СПб. Ф.2559. Оп.1. Д.30. Л.16). В предшествующие месяцы ему приходилось участвовать в работе Петроградской комиссии по охране памятников старины и искусства, так как с марта 1918 г. эта комиссия занималась передачей под государственную охрану ряда частных собраний, в том числе и дворца Бобринских, на который была получена охранная грамота. Благодаря этим своевременным принятым мерам удалось спасти от разграбления большую часть обстановки дворца, что позволило вскоре развернуть в его стенах историко-бытовой отдел Русского музея. 20 июля 1918 г. граф А.А. Бобринской, получив официальную командировку на юг России от Российской государственной археологической комиссии, перешедшей в ведение Наркомата просвещения РСФСР, и передав заведование делами комиссии старшему члену А.А. Спицыну, навсегда покинул Петроград (РО НА ИИМК РАН. Ф.1. 1886 г. Д.8. Л.164, 165).

Революционные события негативно сказались на полевой деятельности комиссии, как и всей российской археологии в целом. Общее количество полевых исследований резко сократилось: в 1917 г. Археологической комиссией было выдано всего 25 открытых листов, а в 1918 г. — только 9 (для сравнения: в такие же военные 1915 и 1916 гг. их выдавалось значительно больше). С августа 1918 г. началась активная работа оставшихся в Петрограде членов Археологической комиссии по ее реорганизации, завершившаяся в апреле 1919 г. преобразованием комиссии в подлинно научно-исследовательскую структуру нового типа — Российскую академию истории материальной культуры, по всем параметрам значительно превосходившую небольшую по кадровому составу

Рис. 4. В Зимнем дворце после штурма.

Fig. 4. The Winter Palace after the attack of 25th October 1917.

Археологическую комиссию (Мусин, Носов 2009: 1065—1115).

Член Археологической комиссии М. И. Ростовцев, являясь заметным членом партии кадетов, должен был полностью приветствовать Февральскую революцию, осуществившую мечты либерально настроенной интеллигенции. Но, в отличие от многих своих соратников и современников, Ростовцев еще летом 1917 г. понимал, какую опасность несет стремительный развал государства и возможный приход к власти левых радикалов. В своей статье «Наука и революция» он писал: «Спасение России не в диктатуре масс, в этом ее гибель. Спасение только в углублении и подъеме культуры, немислимой без сильного, богатого и единого государства... Работающие над обострением розни классов работают над разрушением культуры не только в России, но и во всем мире» (Ростовцев 1917: 8, 16). После октября 1917 г. Ростовцев, опять-таки в отличие от многих, говорил, что советская власть — это надолго. Будучи убежденным, что большевики, пробуждая самые низменные инстинкты масс, разрушают культуру и устанавливают еще худшие формы рабства, он летом 1918 г. покинул Россию и несколько лет вел активную антисоветскую агитацию в зарубежной прессе (Ростовцев 2002). Яркий антибольшевизм Ростовцева был органически связан с его историческими концепциями и во многом определялся представлениями о противоречивом взаимодействии европейской цивилизации и варварской «Скифии».

Тревожной была в те дни обстановка в Эрмитаже (рис. 2). Хранители музея, и вместе с ними Я. И. Смирнов, с первых дней революции были вынуждены устраивать круглосуточные дежурства в музее. 1 марта 1917 г. пришедшие в Эрмитаж в поисках мифических пулеметов на крыше музея пьяные солдаты Преображенского полка чуть было не убили пытавшегося остановить их Я. И. Смирнова. Директор музея граф Д. Толстой (рис. 3) так позднее описал эти события в своих воспоминаниях: «Они тотчас потребовали со всяким сквернословием, чтоб их вели наверх. Я. И. Смирнов, не отдававший себе отчета в том состоянии, в котором они находились, стал горячо их убеждать, что провести их наверх он не может, т.к., имея заряженные ружья, они способны случайно нанести непоправимый вред, попортить картины и пр. Тут выскочил вперед один молодой преображенец и накинулся на Якова Ивановича с непечальной руганью и криком: “Тебе твои вещи дороже солдатской жизни! Тебе, с... с..., все равно, что солдата пристрелят? Тебе только жаль твоих дурацких картинок!” Когда Смирнов начал горячо возражать, что для него, естественно, дороже всего то, что находится под его ответственностью, солдат свалил его толчком на мраморный пол и стал яростно замахиваться на лежащего то прикладом, то штыком. Момент был очень страшный, впечатление было тяжелое, гнусное: казалось — вот-вот приклад разможит череп или штык вонзится в живот» (Толстой 1992: 336—337). Только

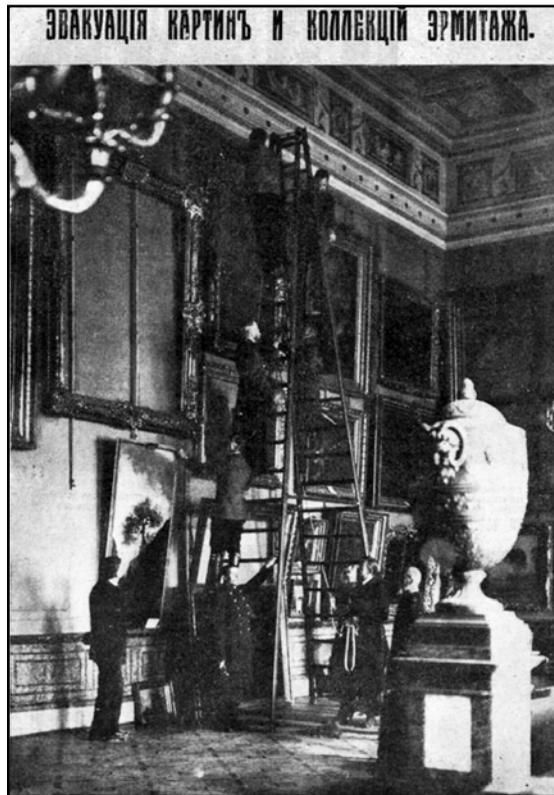

Рис. 5. Эвакуация коллекций Эрмитажа.

Fig. 5. Evacuation of the Hermitage collections.

энергичное вмешательство директора музея, сумевшего вразумить более трезвых солдат, предотвратило трагедию.

Штурм Зимнего дворца 25-го октября, несмотря на непосредственное соседство с ним, Эрмитаж пережил благополучно, так как переходы из дворца в музей были накануне заложены, а вот квартира директора Д.И. Толстого в здании Малого Эрмитажа была полностью разграблена. Он вспоминал, что «в некоторых местах было нагажено; в других валялись грязные лохмотья скинутой грабителями собственной одежды и обуви, замененной тут же добытыми из наших шкафов. Первое впечатление было, что все если не разворовано, то изгажено, поломано». Впрочем, уже 26 октября граф застал в своей квартире матроса с «Авроры», «распоряжавшегося толково и энергично охраною разграбленных комнат», при этом «матрос глубоко возмущался произведенным грабежом, обвинял в нем Морской гвардейский экипаж» и утверждал, что он и его товарищи никогда бы не допустили такого безобразия (Толстой 1992: 351). В мае 1918 г. Петроградским уголовным розыском были возвращены в Зимний дворец 42 медали, похищенные во время штурма 25 октября, но о возврате других украденных

ценностей сведений нет (Зимин 2014: 118) (рис. 4).

В начале ноября Я.И. Смирнову вместе с директором музея пришлось отражать попытку представителя Украины, снабженного приказом с подписями В.И. Ленина и А.В. Луначарского, получить из Эрмитажа некие «украинские регалии». Речь шла о символах власти гетмана (Толстой 1992: 352). Став официальным заместителем директора музея, Я.И. Смирнов в сентябре 1917 г. сопровождал эшелон с эвакуированными сокровищами Эрмитажа в Москву (рис. 5). Там ему пришлось заниматься их размещением в Историческом музее, Оружейной палате, Большом кремлевском дворце. В письмах жене он сообщал: «Дело наше движется медленно, но начальство хочет кончить в два дня, за сегодня и завтра, в успехе сомневаюсь. Но все же, если и день накинуть, то надеюсь уже (а ранее утратил все надежды) к воскресенью вернуться в Питер, а м. б., еще и в субботу, но едва ли это осуществимо, т. к. число автомобилей каждый день уменьшается» (НАМ СПбГУ. Ф. IV. Д. 3. разд. 1, конверт 150).

В июле 1918 г. в Эрмитаже обсуждался вопрос о разделении Отделения древностей на отделы археологии России, античного искусства, резных камней. Было принято решение утвердить такую структуру и значительно увеличить штат сотрудников, доведя его до 3 старших хранителей, 7 хранителей, 7 ассистентов. А в сентябре уже было принято новое решение: на базе Отделения древностей создать Отделение античного искусства с отделами Древнего Востока, греческого и римского искусства; и Отделение археологии России с отделами доисторических древностей, древностей Византии, русских древностей (Журналы 2001: 80—81; 119—120). В итоге в 1919 г. археологический отдел музея состоял из отделений: 1. Древностей Востока; 2. Греческого и римского искусства; 3. Археологии России, переименованного в Эллино-Скифское отделение, состоявшее из двух секторов (Суслов 1990: 189). Руководителем отдела становится О.Ф. Вальдгауер. 2 января 1919 г. прошли выборы сотрудников отдела и были избраны: на должность хранителя отделения древностей Византии — Л.А. Мацулевич, помощника хранителя по отделению Древнего Востока — В.В. Струве, помощника хранителя по отделению греческого и римского искусства — Е.В. Ернштедт, помощника хранителя по отделению древностей античного периода — Г.И. Боровка, помощника хранителя по отделению русских древностей — Н.Е. Макаренко (Журналы 2001:

№4. 2017

259). Вскоре к ним добавились А.В. Шмидт, К.В. Тревер, О.О. Крюгер, Н.Д. Флитнер.

В августе 1919 г. Отдел древностей открыл выставку «Заупокойный культ Древнего Египта», а к 1 июня 1922 г. было открыто для публики большинство залов отдела на первом этаже здания Нового Эрмитажа (Суслов 1990: 52—54). В первые послереволюционные годы отдел древностей Эрмитажа значительно расширил свой состав за счет привлечения молодых талантливых ученых, что обеспечило превращение его в крупный научный центр по изучению древних культур. В его состав вошли и коллекции расформированного Отделения средних веков и эпохи Возрождения, возглавляемого Я.И. Смирновым (рис. 6).

По мере развития событий у людей, настроенных далеко не монархически, могло меняться и отношение к революции и вызванному ей хаосу. Так, в письме своему двоюродному брату от 2 апреля 1917 г. Я.И. Смирнов, именуя «великую русскую революцию» «болотом» писал: «оставим эту безумную свистопляску на трупах, тронах и коронах, на силе, чести и величии России, на справедливости, свободе и правде, которую откальвают теперь товарищи и сволочь, именующая себя революционной армией... я теперь из бывшего анархиста и радикала стал ярким монархистом и михайлистом (вероятно, имеется в виду «Русский народный союз имени Михаила Архангела» — И.Т.)» (НАМ СПбГУ. Ф. IV. Д.3, разд. 1, конверт 151). 2 октября 1918 г. Я.И. Смирнов в последний раз присутствовал на заседании Совета Эрмитажа, а 23 октября от постоянного недоедания и болезней он скончался, не перешагнув порог пятидесятилетия. Это была серьезная утрата и для Эрмитажа, и для всей русской археологии.

В то же время для некоторых археологов первые послереволюционные годы открыли возможности быстрого карьерного роста или реализации давно задуманных планов. Так, например, А.А. Миллер в 1918 г. был избран директором Русского музея и начал преподавать в Петроградском Археологическом институте. В заседании Совета института 6 мая 1918 г. новым директором был избран профессор С.Ф. Платонов. На этом же заседании А.А. Спицын внес проект разделения института на три отделения: археологическое, археографическое, истории искусств. На следующем заседании обсуждался учебный план и были намечены кандидатуры на предполагаемые кафедры археологического отделения (факультета): методология археологии — А.А. Миллер; история искусства христианско-

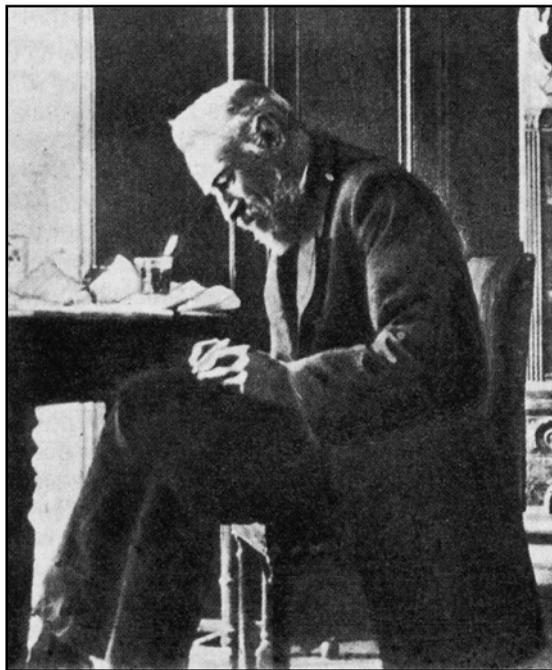

Рис. 6. Я.И. Смирнов (по Суслов 1990: 216).

Fig. 6. Ya.I. Smirnov (after Суслов 1990: 216).

го Востока — Я.И. Смирнов и И.А. Орбели; древности Южной России — М.И. Ростовцев. Последний вплоть до самого своего отъезда за границу в конце июня этого года активно участвовал в заседаниях Совета.

Уже с начала 1918 г. Археологический институт сотрудничал с новой властью и выполнял ее распоряжения. В марте Наркомат просвещения предоставил институту новое помещение на Фонтанке, 22 (здание бывшего Управления Воздушного Военного флота). Тогда же в ведение института были переданы Музей быта, созданный в бывшем дворце Шереметьева (Фонтанка, 34); Музей-библиотека Н.П. Лихачева (Петрозаводская ул., д. 7); Церковно-археологический музей Духовной Академии ((Тихонов 2003: 141).

В апреле 1919 г. Советом института обсуждался проект практических занятий со слушателями в летнем семестре. А.А. Миллер предлагал организовать лекции по историческому искусству и практические занятия в университете при кафедре географии, а также научную экскурсию в Приладожье с целью осмотра памятников Старой Ладоги; А.А. Спицын — поездку в Сестрорецк и другие места Петроградской губернии, где на месте можно было бы проводить занятия по технике раскопок. На эти цели ему было выделено 1500 рублей из средств института. Б.В. Фармаковский предложил заниматься со студентами древностями

Ольвии в Государственной Археологической Комиссии. 15 мая был обсужден и утвержден новый учебный план, предусматривающий разделение преподавания в институте на два отделения, и намечены преподаватели (ЦГА СПб. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 15—16, 68). Новый учебный год планировалось начать 6 октября, но затем этот срок был перенесен на 27 октября. Положение осложнялось отсутствием отопления, дров, частыми перебоями с подачей электроэнергии. Серьезную проблему составило введение в Петрограде комендантского часа с запретом нахождения на улицах после 8 часов вечера, так как почти все занятия в институте проводились с 6 до 10 часов вечера. Было принято решение проводить занятия в другие часы по согласованию со слушателями и заканчивать их не позднее 19 часов.

Весной 1920 г. вновь вернулись к идее образовать три отделения. Деканами были избраны: Архивно-археографического отделения — А. Е. Пресняков, Археологического — А. А. Миллер, Историко-художественного — К. К. Романов. Но вскоре сам Миллер, ссылаясь на опыт прошлого года, стал доказывать нецелесообразность подобного деления и предложил объединить два последних отделения в Археологический факультет, что и было принято, а деканом объединенного факультета стал К. К. Романов. 27 сентября 1920 г. при участии представителей многих научных учреждений Петрограда состоялись выборы профессоров института. На кафедры археологического факультета были избраны: 1. Первобытная археология — А. А. Миллер; 2. Археология классического Востока — В. К. Шилейко; 3. Античная археология — С. А. Жебелев; 4. Искусство древнего мира — В. В. Латышев; 5. Древности и искусство Западного средневековья — О. А. Добиаш-Рождественская; 6. Древности и искусство Восточного средневековья — Н. В. Малицкий; 7. Древнерусское искусство — К. К. Романов; 8. Древности русские и славянские — Н. П. Сычев; 9. Археология Южной России — Г. И. Боровко; 10. Археология северной и средней России — А. А. Спицын; 11. Нумизматика — Н. Н. Бауер. Поскольку В. В. Латышев отказался занять кафедру искусства древнего мира, по желанию студентов ее отдали Б. В. Фармаковскому (ЦГА СПб. Ф. 25.59. Оп. 1. Д. 64. Л. 16, 35, 44, 49—50).

О том, в каких условиях приходилось работать, красноречиво свидетельствуют скупые строки отчета за 1921/22 учебный год: «Институту пришлось не раз вступать в упорную борьбу за самое его существование и пре-

одолевать целый ряд жизненных затруднений, порою на первый взгляд даже непреодолимых: нет дров, нет кредитов, или суммы отпускаются в микроскопических размерах и с запозданием на 3—4 месяца, нет предметов первой необходимости в учебном деле, витрин, классной мебели и т. д. Но в Институте нашлись зато люди, которые поставили своей жизненной целью отстоять его во чтобы то ни стало. Жалованья не платят — профессора и слушатели без различия рангов и положения работают бесплатно» (ЦГА СПб. Ф. 2559. Оп. 2. Д. 3. Л. 10). Положение несколько улучшилось к 1921 году, когда Петроградский Археологический институт был включен в число вузов, пользующихся социальным обеспечением (преподаватели и студенты получали продовольственные пайки и освобождались от трудовой повинности).

К 1921 г. в Археологическом институте было 25 профессоров, 5 преподавателей, 2 ассистента, т. е. по сравнению с 1914 г. (7 профессоров, 6 преподавателей и 4 лектора) произошло заметное увеличение преподавательского состава. Иначе обстоит дело с количеством студентов: в 1914 г. — 533, в 1917 г. — 368, в 1918 г. — 208, в 1919 г. — 109, в 1920 г. — 48, в 1921 г. — 166 (из них менее половины активных, т. е. посещающих занятия) (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 217. Л. 24—25). В 1917 г. институт окончило 44 выпускника, занимавшихся по старым учебным планам (без разделения на факультеты), в 1918 г. — 17 человек, в 1919 г. — всего 7 выпускников, осенью 1918 г. было вновь принято 110 человек, из которых 37 слушателей записались на археологический факультет ((ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 554. Л. 1, 7).

Вопреки мнению некоторых авторов, Петроградский археологический институт не исчез бесследно после революции (Тихонов 2001: 189), а в 1922 г. влился в Петроградский университет на правах Археологического отделения, начавшего целенаправленную подготовку специалистов-археологов. Но и до создания отделения в университете продолжались занятия по археологии на историко-филологическом факультете. В 1917 г. магистерские экзамены сдала М. И. Максимова, весной 1918 г. защитившая диссертацию «Античные фигурные вазы» на степень магистра теории и истории искусств.

Февральская революция была воспринята большинством университетской общественности сугубо положительно. Профессорская корпорация, среди которой было много представителей кадетов, обещала Временному пра-

№4. 2017

вительству всемерную поддержку. А вот об отношении Совета университета к октябрьскому перевороту убедительно свидетельствует его заседание 26 октября, когда было принято решение присоединиться к воззванию Академии наук, осуждающему «насильников, захвативших власть». Когда приват-доцент факультета восточных языков, японист Е. Д. Поливанов, ставший в ноябре 1917 г. заместителем наркома иностранных дел Л. Д. Троцкого, появился на заседании Совета университета 9 декабря 1917 г., никто из присутствующих профессоров не подал ему руки, и он вынужден был удалиться (Кривоноженко 2014: 55).

Летом 1918 г. А. А. Спицын вместе со студентами провел небольшие археологические разведки в Новгородской губернии, выявив ряд неолитических памятников. Собранные коллекции пополнили археологический кабинет университета. Остаток лета и начало осени 1918 г. семья Спицыных, спасаясь от петроградского голода, проводила в деревне Верховое Новгородской губернии. Оттуда Спицын писал С. Ф. Платонову, оставшемуся в Петрограде: «В город не спешу, не предполагая, чтобы преподавание в столь трудных материальных обстоятельствах могло начаться своевременно и идти нормально. Жду известий от Вас через Мишу (сын А. А. Спицына — И. Т.). Денег и здесь не хватает, а в Петербурге ведь надо в пять раз больше. Ужасаюсь предстоящей петербургской зимы... О том, что делается в России и на белом свете, мы здесь ничего не слышим, да вероятно, и петербуржцы живут в таком же положении... Не тянет в Петербург! Слово в мясорубку лезешь!» Но занятия в университете, хотя и с опозданием, начались, и, чтобы не оказаться уволенным из университета, согласно распоряжению Наркомпроса, как не явившийся к их началу, Спицын был вынужден возвращаться в голодный Петроград. По этому поводу он запрашивал Платонова 1 октября 1918 г.: «Мы собрались ехать через недельку, а на всякий случай я сейчас сообразил спросить Вас, в какой степени необходимости являться в город теперь же. Не откажите в сведениях, как идут занятия в Университете, в Институте, в гимназии, если можно, со своим заключением насчет времени нашего выезда» (Тихонов 1991: 274).

2 ноября 1918 г. А. А. Спицыну, Б. В. Фармаковскому и некоторым другим преподавателям, не имеющим докторской степени, декретом Совнаркома было присвоено звание профессоров Петроградского университета. В начале лета следующего 1919 г. историко-филологический факультет был ликвидирован

и на его базе создан факультет общественных наук (ФОН), вобравший в себя также юридический и факультет восточных языков. При этом создание нового факультета не было полностью инициативой новой власти. У подобной идеи объединения гуманитарных факультетов нашлись сторонники и среди университетской профессуры, например, декан восточников, академик Н. Я. Марр, который и возглавил новый факультет. Однако о том, что эта идея не разделялась большинством профессуры, свидетельствует обращение ректора университета В. М. Шимкевича к В. И. Ленину и А. В. Луначарскому с протестом против закрытия историко-филологического факультета (Соболев, Тихонов, Тишкин 1999: 303).

На этнолого-лингвистическом отделении ФОН читался курс и спецкурс по доисторической археологии, продолжал работать Археологический кабинет, причем, как указывал заведовавший им А. А. Спицын, «студенты занимались изучением материала, относящегося к каменному веку и принимали участие в разведках и раскопках курганов близ Сиверской, у озера Разлив, в Тверской губернии». Продолжали пополняться коллекции и библиотека кабинета; так, в 1913 г. в библиотеке было 989 сочинений, в собраниях — 1065 номеров вещей, а к 1921 г. — уже 1920 книг и 1695 вещей (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 101, 135). В марте 1920 г. В. И. Равдоникас, поступивший в университет в 1918 г., сделал «Записи бесед с А. А. Спицыным» (ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 28). Как видно из этих конспектов, занятия, проходившие в Археологическом кабинете университета или в Археологическом институте, а чаще на квартире самого А. А. Спицына, охватывали широкий круг тем от неолита до норманнской теории. В ходе занятий студенты разбирали неолитическую коллекцию, собранную А. В. Тищенко в окрестностях станции Окуловка. Особое внимание А. А. Спицын уделял вопросам методики археологических разведок и раскопок, подчеркивая, что «археология начинается с огромной массы земли». В сентябре 1920 г. В. И. Равдоникас пригласил А. А. Спицына в Тихвин, чтобы тот на месте мог познакомиться с его работами и коллекциями, но болезнь тогда помешала Спицыну совершить эту поездку, которая состоялась только в сентябре 1922 г. О том, в каких условиях приходилось работать в те годы, Спицын кратко писал Равдоникасу: «Все мы в семье благополучны. Здоровы, заняты своими делами. Есть главное — хлеб, холод переносим, дома 6—8 градусов» (ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 167. Л. 3).

Н. Я. Марру летом 1917 г. удалось реализовать давно замышляемый проект создания Кавказского Историко-археологического института в Тифлисе. Устав и временный штат института были утверждены Временным правительством и введены в действие с 1 июля 1917 г. Согласно уставу институт ставил своей целью: «изучать языки, быт и древности кавказского населения и лингвистически или культурно сродных с ним живых и вымерших народов Ирана, Месопотамии и Малой Азии, на всем протяжении их истории... охранять, в согласии с действующими законоположениями, вещественные и духовные памятники разнообразных культур в пределах Кавказского наместничества и вести их регистрацию» (Устав 1917: 957). Институт, входя в систему Министерства народного просвещения, в научном плане должен был подчиняться Академии наук, которая избирала руководителя из числа ординарных академиков. На содержание нового учреждения выделялось 42500 рублей в год. Это было первое учреждение нового типа — научно-исследовательский институт, созданный Академией наук.

А вот жизнь Императорского Русского археологического общества в послереволюционные годы постепенно замирала. С. А. Жебелев отмечал: «Это были печальные годы, годы постепенного увядания общества, его агонии. Она началась с 1917 г. Годовой отчет (рукописный) на 1917—19 гг. свидетельствует, что уже в эти два года “жизнь общества почти совершенно замерла, и общество казалось близким к полному распаду”. В 1917—18 гг. не было ни одного Общего собрания, ни одного заседания Русского отделения... О раскопках и мечтать не приходилось ввиду того состояния, в каком находилась вся страна. Грустнее всего было то, что общество вынуждено было прекратить свою издательскую деятельность, и не столько потому, что печатание тогда строилось, сколько потому, что обществу не на что было печатать: принадлежавшие ему небольшие капиталы были аннулированы, пособие от казны, которое шло главным образом на издательскую деятельность общества, оно перестало получать. Если таким образом общество потеряло свою “материальную базу”, то оно вскоре же лишилось и своей “территориальной базы”. То помещение, которое было в свое время предоставлено обществу (Литейный, 44), перешло в ведение Комиссариата юстиции, и он потребовал очистить это помещение. Имущество общества — его библиотека, музей, архив —

в ящиках было перевезено и в ящиках же, будучи не распакованным, нашло себе приют сначала в б. доме Шереметева (Фонтанка, 34), затем в Мраморном дворце, в помещении Академии истории материальной культуры» (Жебелев 2017: 94). У общества, тесно связанного с монархией и домом Романовых, шансов на продолжение существования при пролетарской власти просто не было. Тем не менее, все его материальное наследие перешло к новой структуре — РАИМК — ГАИМК.

Основная масса ведущих членов РАО, определявших его лицо и стиль работы, приняла самое активное участие в реформировании Археологической комиссии и создании Российской академии истории материальной культуры. РАИМК как многопрофильное научное учреждение взяла на себя почти все функции общества, избавившись от дилетантов-любителей, которых и так уже к этому времени практически не было в составе РАО.

Научные общества, не располагавшие штатным персоналом и достаточной материальной базой, были ориентированы преимущественно на обмен информацией, на обсуждение индивидуальных исследований. Для организации коллективной работы общества подходило мало. В первой четверти XX в. на повестку дня вставал вопрос о создании научно-исследовательских институтов (Степанский 1987: 83—84). На смену научному обществу приходила новая, более прогрессивная форма организации науки — научно-исследовательское учреждение. Вероятно, такая трансформация произошла бы и без коренной ломки 1917 г., но значительно более плавным, постепенным путем.

В годы революции и гражданской войны от недоедания и болезни умерли Я. И. Смирнов, Н. В. Покровский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Веселовский, Ф. К. Волков, А. А. Иностранцев, В. В. Латышев; пропал без вести в горниле гражданской войны директор Артиллерийского музея Н. М. Печенкин; от рук бандитов погиб коллекционер и археолог Н. Ф. Романченко. Навсегда покинули Петроград и Россию Н. П. Кондаков, М. И. Ростовцев, Ф. А. Браун, Г. В. Вернадский, В. В. Саханев. Нескольким молодым в то время, начинающим археологам, например В. И. Равдоникасу и А. А. Иессену, довелось послужить в Красной армии и поучаствовать с 1918 г. в гражданской войне. Призван в Красную армию был и сын А. А. Спицына — Михаил.

Некоторым ученым пришлось пережить аресты. Н.Н. Платонова приводит в своем дневнике сведения, что в начале сентября 1919 г. сверхштатный член Археологической комиссии и декан историко-филологического факультета университета Ф.А. Браун был арестован вместе с другими видными членами партии кадетов: С.Ф. Ольденбургом, Д.Д. Гриммом (ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.570147. Л.9об.).

Но, несмотря на все перипетии тяжелейших лет революции и гражданской войны, затормозивших полевые исследования, основной кадровый потенциал петроградских ар-

хеологов сохранился и позволил провести реформирование системы научных учреждений, обеспечив будущий подъем археологических исследований в СССР.

Революция и полная смена всего государственного аппарата сыграли роль мощнейшего катализатора в процессе развития организационной структуры российской археологии, способствуя ликвидации старых и появлению на их основе новых прогрессивных организационных структур. В то же время методы и обстоятельства этой «ломки» нанесли колоссальный урон и кадровому потенциалу нашей науки, и всей системе ее научных связей.

Литература

- Бобринской А.А. 2003. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852—1927). Сын об отце. Подготовка к публикации, предисловие и примечания И.Л. Тихонова. В: Кирпичников А.Н. (отв. ред.). *Культурное наследие Российского государства* 4. Санкт-Петербург: Вести, 479—532.
- Зимин И.В. 2014. *Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги*. Москва: Центрполиграф.
- Жебелёв С.А. 2017. *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897—1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846—1924)*. Отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. Москва: Индрик.
- Журналы 2001: *Журналы заседаний Совета Эрмитажа*. Часть I. 1917—1919 годы. 2001. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Кривоноженко А.Ф. 2014. *Петроградский университет в 1917—1922 гг.* Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Мусин А.Е. (науч. ред.-сост.); Носов Е.Н. (общ. ред.). 2009. *Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Ростовцев М.И. 1917. Наука и революция. *Русская мысль*. Кн. 9—10, 1—16.
- Ростовцев М.И. 2002. *Избранные публицистические статьи. 1906—1923 годы*. Подгот. текста, предисл., коммент. и биограф. словарь И.В. Тункиной. Москва: РОССПЭН.
- Савенко С.Н. 2017. 1917 г. на Кавминводах в судьбе ведущих российских археологов (А.А. Бобринский, П.С. Уварова, Н.И. Веселовский). В: Сорокина И.А. (отв. ред.). *1917 год: Российская археология на переломе эпох*. Материалы Международной научной конференции. Москва: ИА РАН, 59—61.
- Смирнов А.С. 2015. Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть. *ПИФК* 2, 300—309.
- Соболев Г.Л., Тихонов И.Л., Тишкин Г.А. 1999. *275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724—1999*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Степанский А.Д. 1987. *История научных учреждений и организаций дореволюционной России*. Учебное пособие по спецкурсу. Москва: МГИАИ.
- Сулов В.А. (ред.). 1990. *Эрмитаж. История и современность*. Москва: Искусство.
- Тихонов И.Л. 1991. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову). *СА* (2), 265—275.
- Тихонов И.Л. 2003. *Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Тихонов И.Л. 2011. Рецензия на: Николаев А.Л. *Археологические институты дореволюционной России: монография*. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. 177 с. *РА* (1), 174—176.
- Толстой Д.И. 1992. Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах*. Москва: Студия ТРИТЭ; Российский Архив, 330—361.
- Устав 1917: Устав Кавказского историко-археологического института. 1917. *Известия Академии наук* 13, 957—961.

References

- Bobrinsky, A.A. 2003. In Kirpichnikov, A.N. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva (Cultural Heritage of the Russian State)* 4. Saint Petersburg: "Vesti" Publ., 479—532 (in Russian).
- Zimin, I.V. 2014. *Liudi Zimnego dvortsia. Monarshie osoby, ikh favority i slugi (Winter Palace's Men: Monarchic Persons, Their Favorites and Valets)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
- Zhebelev, S.A. 2017. *Russkoe arkhelogicheskoe obshchestvo za tret'iu chetvert' veka svoego sushchestvovaniia. 1897—1921: Istoricheskii очерк. Prilozhenie: Biobibliograficheskii slovar' chlenov RAO (1846—1924) (Russian Archaeological Society in the Third Quarter of the Century of Its Existence: 1897—1921. Historical Sketch. Appendix: Biobibliographical Dictionary of Members)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Zhurnaly zasedanii Soveta Ermitazha (Journals of Sessions of the Council of the Hermitage Museum)*. Part I. 1917—1919 gody (1917—1919). 2001. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Krivozhenko, A.F. 2014. *Petrogradskii universitet v 1917—1922 gg. (Petrograd University in 1917—1922)*. PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).
- Musin, A.E., Nosov, E.N. (eds.). 2009. *Imperatorskaia arkhelogicheskaia komissia (1859—1917). K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkhelogii i okhra-*

- ny kul'turnogo nasledii (The Imperial Archaeological Commission (1859—1917). To the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Rostovtzeff, M. I. 1917. In *Russkaia mysl' (Russian Thought)*. Book 9—10, 1—16 (in Russian).
- Rostovtzeff, M. I. 2002. *Izbrannye publitsisticheskie stat'i. 1906—1923 gody (Selected Publicistic Articles, 1906—1923)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
- Savenko, S. N. 2017. In Sorokina, I. A. (ed.). *1917 god: Rossiiskaia arkhologiiia na perelome epoch (1917: Russian Archaeology at the Turn of Epochs)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 59—61 (in Russian).
- Smirnov, A. S. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* 2, 300—309 (in Russian).
- Sobolev, G. L., Tikhonov, I. L., Tishkin, G. A. 1999. *275 let. Sankt-Peterburgskii universitet. Letopis' 1724—1999 (275th Anniversary of the Saint Petersburg University: Chronicle of 1724—1999)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Stepanskii, A. D. 1987. *Istoriia nauchnykh uchrezhdenii i organizatsii dorevoliutsionnoi Rossii (History of Scientific Institutions and Organisations in Russia before the Revolution)*. Moscow: Moscow State Historical and Archival Institute (in Russian).
- Suslov, V. A. (ed.). 1990. *Ermitazh. Istoriia i sovremennost' (The Hermitage Museum: History and Present Day)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 265—275 (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiiia v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology in the University of Saint Petersburg. Historiographical Essays)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 174—176 (in Russian).
- Tolstoi, D. I. 1992. In *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv.: Al'manakh (Russian Archive: National History in Evidences and Documents from 18th—20th Centuries: Almanac)*. Moscow: "Studia TRITE" Publ.; Russian Archive, 330—361 (in Russian).
- Ustav Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta (Statute of the Caucasian Historical and Archaeological Institute). 1917. In *Izvestiia Akademii nauk (Bulletin of the Academy of Sciences)* 13, 957—961 (in Russian).

Статья поступила в номер 6 июля 2017 г.

Igor Tikhonov (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Saint Petersburg State University¹.

Igor Tikhonov (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Universitatea de Stat din Sankt Petersburg.

Тихонов Игорь Львович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru

Address: ¹ Universitetskaya Emb., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation